ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

**ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ
УКРЕПЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ
ГОСУДАРСТВЕННОСТИ**

Часть 79
Сборник статей

**LEGAL ISSUES
OF STRENGTHENING RUSSIAN
STATEHOOD**

Vol. 79
Collection of papers

Томск
Издательский Дом Томского государственного университета
2018

Е.В. Марьина, М.Ю. Спирин

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ ОБВИНЯЕМОГО ПРИ ПРИМЕНЕНИИ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ДОМАШНЕГО АРЕСТА

Исследуется природа мер пресечения, определяется их связь с типом правового режима в обществе. Рассматриваются основные типы запретов и их особенности при применении домашнего ареста. Особое внимание обращается на необходимость конкретизации круга лиц, на общение с которыми в период нахождения обвиняемого под домашним арестом суд не может наложить запрет. Делается вывод о том, что домашний арест может назначаться только с согласия самого обвиняемого.

Ключевые слова: меры пресечения, домашний арест, обвиняемый, правоприменитель, тип уголовного процесса, диспозитивность, императивность, защита прав.

Сущность мер пресечения в рамках уголовно-процессуальной деятельности оценивается, как известно, с различных позиций. В современной науке распространённым является интегративный подход, сторонники которого, ссылаясь на практику применения таких мер, аргументируют необходимость избрания той или иной меры пресечения на основании сочетания нескольких аспектов противоправного поведения подозреваемого или обвиняемого, особенностей асоциальных установок его личности, специфики обстоятельств расследования по делу etc. Так, С.И. Вершинина указывает, что существует несколько концепций на понимание природы мер пресечения: 1) они имеют собственно пресекательный характер; 2) они обладают значением превенции [1. С. 30–31].

В то же время очевидно, что их применение должно быть связано исключительно с необходимостью обеспечения объективности предварительного расследования, а значит, они допустимы для пресечения не предполагаемых негативных аспектов поведения обвиняемого, и тех, которые уже проявились. Это означает, что чисто гипотетическое (часто субъективное) предположение о необходимости той или иной меры пресечения не может быть положено в основу применения этой меры; в наличном поведении обвиняемого должны присутствовать

элементы негативного поведения, посягающего на эффективность предварительного расследования по данному делу, которые как раз и должны оказывать определяющее влияние на правоприменителя в вопросе выбора конкретной меры пресечения *ad hoc*.

В системе соответствующих мер пресечения стоит выделить домашний арест как меру, увеличивающую свою популярность в последние годы среди всех мер пресечения, назначаемых судами. Например, Ю.Ю. Ахминова указывает, что количество ходатайств о назначении домашнего ареста возросло со 101 в 2008 г. до 1600 в первом полугодии 2016 г. [2. С. 3]. При этом восприятие правоприменителем избираемого в качестве меры пресечения по делу домашнего ареста традиционно заключается в том, что сам факт нахождения обвиняемого на период предварительного расследования не в следственном изоляторе, а в привычной домашней обстановке уже должен восприниматься последним как своеобразное благо и какие-либо критические замечания по конкретным способам реализации такого домашнего ареста недопустимы и в принципе невозможны. В то же время данная активно применяемая мера пресечения имеет множество проблем именно в процессе своей реализации.

Домашний арест как мера пресечения, которая является альтернативой заключению под стражу, фактически не имеет чёткой процессуальной регламентации; в рамках реализации домашнего ареста не урегулировано множество вопросов: механизм контроля нахождения обвиняемого под домашним арестом (несмотря на издание приказа Министерства юстиции РФ от 11 февраля 2016 г., которым был утверждён Порядок осуществления контроля за нахождением подозреваемых и обвиняемых в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением наложенных судом запретов и (или) ограничений); цель и задачи данной меры пресечения непосредственно законом не определяются; также проблематично выделить специальные основания её применения, а также конкретный способ определения запретов, которые применяются к обвиняемому. На последней проблеме необходимо остановиться подробнее.

Применение мер процессуального принуждения зависит от типа уголовного процесса, – отмечает В.В. Рудич [3. С. 163], т.е. понимание характера мер пресечения является различным в инквизиционном (следственном) и состязательном уголовном процессах. В развитии этой мысли можно с уверенностью сказать, что тип правового (пуб-

лично-правового) режима в целом, господствующего в обществе, оказывает принципиальное влияние на то, как будет пониматься сама цель применения мер пресечения, и то, каким образом будет закрепляться специфика поведения обвиняемого в правоприменительном акте о выборе меры пресечения. В случае с домашним арестом можно увидеть поле для действия двух противоположных правовых формул: «запрещено всё, что прямо не разрешено законом» и «разрешено всё, что прямо не запрещено законом».

Нормы статьи 107 УПК РФ закрепляют варианты запретов и ограничений, которые суд может выбрать при избрании этой меры пресечения. Так, обвиняемому полностью или частично можно запретить: выход за пределы жилого помещения, в котором он проживает; общение с определёнными людьми; отправку и получение почтово-телеграфных отправок; использование средств связи и информационно-телекоммуникационной сети Интернет. Как показывает изученная следственно-судебная практика, суды назначают все варианты ограничений, при этом степень их жёсткости варьируется. Следует отметить, что система электронного мониторинга подконтрольных лиц не всегда применяется при домашнем аресте, а в тех случаях, когда она реализуется в установленном порядке, встречаются ситуации, когда сторона защиты оспаривает зафиксированные ею нарушения.

Например, в отношении выхода за пределы жилого помещения можно встретить следующие варианты: не покидать жилое помещение вообще, даже без выделения времени на прогулки; не покидать жилое помещение, в котором обвиняемый проживает, и разрешить прогулки в определённое время, которые, как правило, составляют один час в строго фиксированное время; специально оговаривается возможность выхода за пределы жилого помещения для похода в магазин, учебное или медицинское учреждение, на работу. Любой выход в медицинское учреждение необходимо согласовывать с контролирующим органом, а при необходимости и представлять медицинскую документацию, подтверждающую необходимость обращения обвиняемого за медицинской помощью.

В отношении запретов и ограничений на общение с людьми в момент нахождения под домашним арестом единообразная правоприменительная практика и вовсе отсутствует. Очевидно, что в условиях правового режима, основанного на преимущественном применении норм права диспозитивного характера, запрет, содержащийся в по-

становлении суда о применении домашнего ареста, должен быть индивидуализирован, подробно определён, иными словами – конкретизирован. При этом должен соблюдаться разумный баланс между индивидуализацией уголовно-правовых запретов и тайной предварительного расследования. Об этом, по сути, указано в пункте 40 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 «О применении судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога»: запрещая подозреваемому или обвиняемому общение с определенными лицами или ограничивая его в таком общении, суд должен указать данные, позволяющие идентифицировать этих лиц.

Здесь возникает несколько важных вопросов: во-первых, насколько полными должны быть сведения, идентифицирующие личность, поскольку информация о свидетелях по делу может быть неизвестна обвиняемому. Во-вторых, можно ли запретить общаться со всеми лицами, за исключением лиц, проживающих с обвиняемым? В этом случае, руководствуясь указаниями Пленума Верховного Суда РФ, необходимо перечислить всех этих лиц хотя бы с указанием их фамилий и дат рождения. Но практика показывает, что суды применяют запретительный (императивный) вариант, используя следующие формулировки: «запретить общение с любыми лицами, за исключением близких родственников»; «запретить общаться с лицами, проходящими по уголовному делу в качестве обвиняемых, потерпевших, со свидетелями, а также друзьями, знакомыми и родственниками, кроме тех, кто проживает вместе с обвиняемым». Ни о какой идентификации личности в данном случае речи не идёт. Очень редко можно увидеть в постановлении указание на фамилии и тем более даты рождения лиц, с которыми запрещено общаться.

Анализ правоприменительной практики позволяет выявить следующие сложности при применении домашнего ареста как меры пресечения в отношении обвиняемого:

1. Должны ли устанавливаться ограничения в отношении тех лиц, которых не затрагивает данная мера пресечения, например, разрешено ли в данном случае общение со священнослужителем? В пункте 41 Минимальных стандартных правил обращения с заключёнными, т.е. с лицами, уже признанными виновными в совершении преступления, в отличие от обвиняемого, находящегося под домашним арестом, а значит, положение последнего не может быть хуже, чем у заключённых, закреплено, что

квалифицированный служитель культа должен иметь возможность посещать заключённых наедине для бесед на религиозные темы.

Должно ли лицо, находящееся под домашним арестом, иметь право на общение со священнослужителем? Представляется, что ответ на этот вопрос должен иметь утвердительный характер. Это подтверждает и ссылка на УИК РФ, в статье 14 которого осуждённому гарантировано право на свободу вероисповедания и определены правила предоставления общения со священником. Лицу, находящемуся под домашним арестом, священнослужитель может быть приглашён, если имеется полный запрет на выход из жилого помещения, если же обвиняемому разрешается выходить за пределы жилого помещения на определённое время, то он самостоятельно может посетить религиозное учреждение. Но тогда возникает вопрос о содержании понятия «священнослужитель», в таком случае есть смысл в норму статьи 5 УПК РФ внести соответствующие конкретизирующие изменения и указать, кого законодатель понимает под служителем церкви.

2. Жилое помещение, определяемое судом в качестве места нахождения обвиняемого, должно принадлежать ему на основании права собственности, быть взятым внаём или лицо может в нём находиться на ином законном основании. В тех случаях, когда домашний арест избирается в отношении супругов, которые зарегистрированы в разных жилых помещениях, находиться под арестом они будут по месту регистрации, а значит – в разных жилых помещениях. В этом случае могут возникнуть известные сложности по организации их общения, а также такая ситуация может воспрепятствовать общению арестованного лица с близкими родственниками, проживающими вдали от обвиняемого, например, в другом субъекте Российской Федерации. Так, суд может установить запрет на ведение переговоров с использованием средств связи, причём суд не ограничивает в таком случае личное общение этих лиц, но по причине технической невозможности такого общения возникнет состояние изоляции обвиняемого от его близких родственников.

3. При наличии у обвиняемого несовершеннолетних детей может возникнуть необходимость общения с учителями (кураторами, воспитателями) ребёнка для контроля за его обучением.

4. Возникают известные трудности с возможностью получения в такой ситуации психологической помощи; при этом получается, что суд фактически отказывает лицу в реализации права на общение с

психологом. При этом статья 12 УИК РФ гарантирует осуждённому его право на психологическую помощь. Конечно, ситуация обращения к психологу требует более глубокого анализа, потому что неминуемо возникают вопросы о том, где должен работать такой психолог, обязательно ли это должен быть психолог, работающий в государственном учреждении, или как иным образом может осуществляться психологическое консультирование.

Что касается запретов, ограничивающих отправку и получение каких-либо отправок, то здесь, как правило, суд использует общую формулировку, закреплённую в уголовно-процессуальном законе.

Наконец, запрет на использование средств связи и сети Интернет. В статье 107 УПК РФ закреплены ситуации, когда лицу не может быть запрещено общаться по телефону, например: для вызова скорой помощи, сотрудников правоохранительных органов, аварийно-спасательных служб. Вместе с тем в решениях суда можно встретить и разрешение на пользование сетью Интернет для поиска доказательств, необходимых для защиты обвиняемого.

Получается, что мера пресечения, связанная с ограничением свободы и общения, для лица, пока ещё не признанного виновным, имеет многие проблемные аспекты, в связи с чем необходимо внести корректировки в действующее законодательство:

1) при применении меры пресечения в виде домашнего ареста необходимо получить согласие обвиняемого на последующее применение к нему этой меры пресечения, что является очень важным субъективным моментом. Также значимо и то обстоятельство, что лицо, находящееся под домашним арестом, в большинстве случаев лишается возможности зарабатывать деньги, а значит, не всегда может иметь средства к существованию в период нахождения под домашним арестом;

2) должен быть определён точный и исчерпывающий круг лиц, с которыми можно в установленных рамках общаться в период реализации домашнего ареста (священнослужитель, психолог).

Таким образом, уголовно-процессуальное регулирование применения домашнего ареста как меры пресечения нуждается в ряде дополнительных уточнений с учётом имеющихся практических проблем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вершинина С.И. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве: нормативно-правовая природа и механизм функционирования : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Самара, 2017. 41 с.
2. Ахминова Ю.Ю. Домашний арест как мера пресечения: проблемы избрания и реализации на стадии предварительного расследования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2017. 19 с.
3. Рудич В.В. К вопросу о понятии уголовно-процессуального механизма применения мер правового принуждения-пресечения // Общество и право. 2017. № 2. С. 161–165.

ENSURING RIGHTS OF THE ACCUSED UNDER THE MEASURE OF RESTRAINT IN THE FORM OF HOUSE ARREST

Evgeniya V. Maryina, Samara National Research University (Samara, Russian Federation). E-mail: urclin@yandex.ru

Mikhail Yu. Spirin, Samara National Research University (Samara, Russian Federation). E-mail: urclin@yandex.ru

Keywords: measures of restraint, house arrest, the accused, law enforcer, type of criminal procedure, dispositive nature, imperative nature, protection of rights.

DOI: 10.17223/9785946217637/12

The aim of the study is to develop matters connected with the need for choosing a measure of restraint in the form of house arrest, as well as to provide a scientific basis of theoretical provisions and practical recommendations for improving criminal procedural legislation of the Russian Federation in the part of house arrest as the measure.

The following methods were used in the course of the study: formal legal, analytical, specifically sociological, statistical and comparative legal ones.

The study focused on the investigative and judicial practice of choosing house arrest in Samara Region. Thus, the decisions of the courts to choose the measure of restraint in the form of house arrest, to extend the term of house arrest and to change the form of the measure of restraint from custody to house arrest were analyzed. The research also considered the submissions from the Penal Enforcement Inspectorate of the Federal Penal Correction Service of the Russian Federation in Samara Region on changing the measure of restraint in the form of house arrest for detention by reasons of violation of the prohibitions and restrictions imposed by the court; the reports of the violations committed by persons under control, as well as the electronic equipment acceptance-delivery reports and regulations on the use of this equipment were also examined.

By nature, the findings of the study are doctrinal (with respect to the scientific community) and regulatory (with respect to the legislator) recommendations for improving both the procedure for implementing house arrest as a measure of restraint and

the features (apices juris) of the prohibitions and restrictions applied to the accused person.

In particular, attention is drawn to the following issues:

1. Should there be any restrictions regarding communication with those who are not affected by this measure of restraint; for example, is communication with a priest allowed in this case?

2. If an accused person has under age children, the supervision of their education may necessitate communication with their teachers (mentors, tutors).

3. There are certain difficulties with the possibility of receiving psychological assistance; it turns out that the court actually refuses the accused person to exercise the right to communicate with a psychologist.

The necessary adjustments to the current legislation should affect the following aspects: firstly, when applying the measure of restraint in the form of house arrest, the consent of the accused to the subsequent application to him of this measure of restraint is imperative, which is very important subjectively. What is also significant is that in most cases the person under house arrest is deprived of the opportunity to earn money, which implies that he may lack means of livelihood while under house arrest; secondly, an exact and exhaustive list of persons possible to communicate with during the implementation of house arrest (including a priest and a psychologist) within the established framework must be defined.

REFERENCES

1. Vershinina, S.I. (2017) *Gosudarstvennoe prinuzhdenie v ugovnom sudoproizvodstve: normativno-pravovaya priroda i mekhanizm funktsionirovaniya* [State coercion in criminal proceedings: the regulatory nature and mechanism of functioning]. Abstract of Law Dr. Diss. Samara.
2. Akhminova, Yu.Yu. (2017) *Domashniy arest kak mera presecheniya: problemy izbraniya i realizatsii na stadii predvaritel'nogo rassledovaniya* [House arrest as a preventive measure: problems of applying and implementation at the stage of preliminary investigation]. Abstract of Law Cand. Diss. St. Petersburg.
3. Rudich, V.V. (2017) To the question of the concept of criminal-procedural mechanism of application of measures of legal coercion – restraint. *Obshchestvo i pravo*. 2(1). pp. 161–165. (In Russian).